

В. А. Мазиллов, В. И. Пефтиев

Ипполит Тэн как психолог

И. Тэн (1828–1893) вошел в историю Франции и Европы как философ, историк, психолог, теоретик искусства и литературы, публицист. Его наследие по психологии, на наш взгляд, полузабыто и не оценено должным образом в социогуманитарных науках. Сложность презентации И. Тэна как психолога связана, в частности, с тем, что необходимо вовлекать в научный оборот не только трактат «Об уме и познании» (1876), по которому обычно оценивают вклад Тэна в психологию, но и сочинения по непсихологической тематике, с фрагментами ценных наблюдений и характеристик психологический феноменов и психологии великих деятелей. Систематизированы и обобщены самые значимые психологические этюды И. Тэна с актуализацией для XXI в. Прослеживаются методологические инициативы И. Тэна, получившие воплощение в психологии конца XIX–XX в.

Ключевые слова: позитивизм, психология, наука, история психологии, Франция XIX в., И. Тэн (Taine).

V. A. Mazilov, V. I. Peftiev

Hippolyte Taine as a Psychologist

H. Taine (1828–1893) is known in history of France and Europe as a philosopher, historian, psychologist, theorist of art and literature, publicist. His heritage on psychology is, in our opinion, half-forgotten and isn't estimated properly in socio-humanistic sciences. The complexity to present H. Taine as a psychologist is connected, in particular, with the fact that it is necessary to involve into the scientific turn not only the treatise «About Mind and Knowledge» (1876), which is usually used to estimate Taine's contribution to psychology, but also works on non-psychological subject, with fragments of valuable observations and characteristics of psychological phenomena and psychology of great figures. The most significant psychological etudes by H. Taine are systematized and generalized with updating for the 21st century. H. Taine's methodological initiatives, which received the embodiment in psychology of the end of the XIX–XX centuries, are studied.

Keywords: positivism, psychology, science, psychology history, France of the 19th century, H. Taine.

История мировой психологии в полном объеме пока не написана. Этому множество причин. Одна из них – нерешенность важных методологических вопросов самой истории психологии. Нам пришлось об этом писать, поэтому в настоящем тексте мы не будем останавливаться на обсуждении этих вопросов [2, 3]. Отметим лишь, что общепринятых критериев оценки вклада того или иного ученого в науку пока не разработано, поэтому мы регулярно сталкиваемся с массой разночтений. Применительно к интересующей нас теме мы получаем странную картину. «Новая философская энциклопедия» характеризует Ипполита Тэна как французского философа, историка, теоретика искусства и литературы. В статье, занимающей несколько десятков строк, слово «психология» вообще не упоминается. Зато Психологический лексикон представляет Ипполита Тэна как французского философа, психолога, историка, искусствоведа [4]. Представляется, что вторая позиция более точна. С нашей точки зрения, И. Тэн, несомненно, психолог, причем заслуги его велики и неоспоримы. Правда и то, что в настоящее время он довольно основательно подзабыт. Справедли-

вости ради отметим, что в последние годы появляются публикации молодых исследователей, в которых предпринимается анализ психологических взглядов И. Тэна [1]. Это стоит считать позитивным знаком, свидетельствующим об интересе молодых историков психологии к деятельности психологов прошлого.

Ипполит Тэн, безусловно, относится к числу психологов, внесших значительный вклад в психологию. Ипполит Адольф Тэн (21.04.1828–05.03.1893) – выдающийся французский философ, историк, психолог, теоретик искусства и литературы, публицист. Публикации Тэна всегда вызывали неподдельный интерес у читателей блестящим стилем изложения и яростную критику оппонентов новизной идей, наблюдений и выводов. В России до 1917 г. все основные работы Тэна незамедлительно и неоднократно переводились на русский язык. Опала на Тэна со стороны большевиков (ВКП(б), затем КПСС) была вызвана его нелицеприятными высказываниями о якобинстве и якобинцах (Робеспьере и его соратниках) в фундаментальном сочинении «Происхождение современной Франции» (1876–1893). Тень

от неприятия оценок Тэна распространялась на все его творчество, включая и наследие по психологии. Данная статья нацелена на презентацию И. Тэна как оригинального психолога, отдельные размышления которого актуальны и в XXI в.

Напомним основные вехи биографии Тэна и его произведений с психологической тематикой. И. Тэн родился в городке Вузье, в Арденнах. Отец занимал судебные должности, дед – супрефект. С отцом изучал латынь, с дядей – английский язык. С детства проявлял склонность к сосредоточенному мышлению. Семья после смерти отца переезжает в Париж. Обучение в Коллеж де Бурбон в классе философии. Штудии Аристотеля, Спинозы, эстетики Гегеля (с французского перевода). В 1851 г. окончил Ecole Normale (педагогический университет). Преподавание философии в лицее г. Невер. В 1853 г. возвращение в Париж. Представление в Сорбонну двух диссертаций: на латыни и на французском. Диссертация на французском об ощущениях как источнике познания отвергнута. Вместо отвергнутой диссертации представилopus о баснях Лафонтена. В 1870 г. идея отвергнутой диссертации вошла в корпус книги «Об уме...» (De l'intelligence). Длительное путешествие по Европе (1855–1856 гг.). Публикует критические этюды, путевые заметки и рецензии. Готовит фрагменты к будущим книгам: «Французская философия XIX в.» (1857 г.) и «История английской литературы» (1864 г.). Цикл лекций в Школе изящных искусств (1864–1869 гг.). С 1876 г. и до конца жизни Тэн сосредоточен на редактировании и издании многотомной истории Франции. Русский перевод (в 5 т.) осуществлен в 1907 г.

Франция и Европа XIX в. не мыслила научный прогресс, в первую очередь значение новых наук, без осмысления философских предпосылок. Не составляет исключения и психология. И. Тэн как психолог формировался в особой интеллектуальной среде, в которой ему предстояло осуществить радикальную смену векторов научных исследований.

Во-первых, преодолеть беспочвенный спиритуализм и мишурный эклектизм французских философов XIX в. Школа спиритуализма (лидер – Виктор Кузен, 1792–1867) считала первоосновой действительности дух (бестелесную субстанцию). Критика этого постулата обстоятельно осуществляется в специальном философском сочинении И. Тэна [5]. К психологическому портрету В. Кузена мы вернемся чуть позже.

Преодоление оппонентов предполагает не только отрицание, но скорее выдвижение новой философской платформы. Таковой во Франции XIX в. был позитивизм О. Конта (1798–1857). Кредо И. Тэна четко и недвусмысленно выражено в труде «Об уме и познании». Психология становится наукой фактов (ощущения, идеи, воспоминания, предвидение), то есть их можно воспроизвести, наблюдать, описать [8, с. IX–X].

Но и И. Тэн идет вперед и в сторону от О. Конта. Он намерен изучать не только и не столько факты как таковые, но и законы (то есть объективные, воспроизводимые, более или менее регулярные связи) в природе и обществе. И. Тэн находит некоторые из этих законов в истории Франции, искусстве и литературе Античности, Средних веков, Англии, в личностях великих людей. В этом приближении к философии истории как объективному, закономерному процессу – первая ипостась (лик) И. Тэна, мыслителя, атипичного позитивиста.

Во-вторых, И. Тэн – родоначальник историко-культурной школы в социогуманитарных науках. Им предложена и апробирована трехзвенная матрица изучения любого общественного феномена, художественного произведения, исторической личности. Она (матрица) предполагает влияние особенностей (деталей, потребностей) а) нации, рода, семьи; б) природной и общественной среды (окружения) и в) текущего момента (уникального, невозпроизводимого). Историко-культурная школа И. Тэна предстает как особая ветвь цивилизационной парадигмы. О цивилизациях И. Тэн говорил и писал как только представлялся повод. В одном из своих последних сочинений «Социализм как правительство» И. Тэн определяет человека, самостоятельную личность как отдельный центр по кругу, законченный организм. Исторически организм сложный, со следами на нем трех или четырех различий, пяти или шести цивилизаций и тридцати веков непрерывного развития [10, с. 45–46]. Цитата И. Тэна нуждается в неспешном осмыслении.

Психология возникла и обновляется, по Тэну, благодаря взаимному сотрудничеству, с одной стороны, естествознания (особо – наук о мозге и органах чувств), с другой – языка и истории. Психология, таким образом, занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками. О языке и слоге, их роли в психологии – отдельный сюжет. Что же касается истории, Тэн высказывается категорично: чтобы понять революцию 1649 г. в Англии, надо изучить и понять

психологию пуритан, в века Кромвеля. Равным образом революция 1789 г. во Франции – без ознакомления с психологией якобинцев и их вождей [8, с. XII].

В-третьих, И. Тэн – мастер психологических портретов деятелей разных эпох. Не каждый психолог-теоретик обладает талантом повествования (нарратива), образным и естественным языком, понятным для читателей любых поколений. Повествование идет не спонтанно, по внезапному озарению, а по алгоритму мысли (матрица), скрытой от первоначального впечатления. Что же касается теоретических основ ума, то психология и ее подразделения давно опередили рубежи 60–70-х гг. XIX в. Да и сам И. Тэн признавал, что, несмотря на длительное знакомство с психологией (15 лет), ему следовало бы к теории ума присоединить теорию воли [8, с. XXI]. Новаторство И. Тэна как психолога заключается и в том, что он ищет и находит господствующий характер эпохи и/или деятеля, тип личности, доминирующую способность (*faculte maetresse*). Психологические изюминки в творчестве И. Тэна рассеяны в корпусе всех его сочинений, а не только в трактате «Об уме и познании». С его гениальной способностью братья за любой сюжет (естественно, после тщательной подготовки) может ознакомиться и случайный читатель его шедевров. Нами отобран хронологический подход к сочинениям И. Тэна с целевой установкой – отобрать страницы, детали, подробности, чувствительные с точки зрения психологии.

1. «Французская философия первой половины XIX века» [5]. Первая монография И. Тэна написана накануне его 30-летия и предназначена для молодежи. Молодая аудитория, по воспоминаниям и убеждению И. Тэна, более восприимчива к новым философским идеям, поискам истины, нежели старшее поколение, озабоченное деньгами, честолюбием, интересами партий [5, с. 3–9]. Остановимся на психологическом портрете Виктора Кузена – лидера французских спиритуалистов.

О писателе и его уме судят по слогу. Слог открывает господствующую способность ума и, давая мерку его силе или слабости, заставляет предвидеть его заслуги и заблуждения. Способ выражения – объективное состояние ума... Мы узнали, осторожен или опрометчив, ясен или тмен или безалаберен ум, и в какой именно степени [5, с. 55–56].

В. Кузен относится к типу ораторов-проводников; его дело не изобретать, а руково-

дить. Он не создает идей, а распространяет их. Идеи Кузена родились в Шотландии, в Германии, в XVIII в., но он сумел их объяснить, украсить, распространить и, *завоеванное им владычество, он исполняет свои обязанности оратора*. Других обязанностей он не выполнил, и вы найдете в его лекциях удивительный контраст между представлением и содержанием [5, с. 56]. Он рассуждает об обыденных истинах, доступных всем людям [5, с. 57].

В. Кузен испытывал страсть к неизданным текстам Платона (18 томов), Декарта (11 томов) и др. Работа с рукописями кропотлива, бедна общими выводами и требует интуиции и привычки ученого [5, с. 111].

В. Кузен – замечательный трагик своего времени по манере подготовки к лекциям. Свою лекцию он начинал готовить за неделю вперед, продумывая идеи, план, слог, даже остроты. Он писал ее, переписывал, учил на память, повторял перед своими друзьями, перед людьми даже не интересными, перед всеми. Он знал ее до мелочей, подробностей, как пианист знает свою концертную пьесу [5, с. 124]. Пусть каждый определит тональность оценки (со знаком плюс или минус) И. Тэном своего коллеги-оппонента.

2. «Философия искусства» [7]. Фундаментальный труд, не имевший аналогов в XIX в. И. Тэн использует для анализа художественных произведений, живописи и скульптуры троичный алгоритм: А) Место артефакта в совокупности творений художника. В) Принадлежность к конкретной художественной школе. С) Отношения автора с согражданами и современниками. Мы фиксируем этот ракурс, но на нем не останавливаемся, отнеся эту проблематику к профессионалам. Нас заинтересовало другое – группа чувств, потребностей, склонностей и привычек германских народов, населявших Нидерланды, Бельгию, Германию. Суммируем детали и подробности, важные с точки зрения цивилизационной парадигмы.

В германских странах все каналы чувств и выражений как будто бы засорились [7, с. 122]. Немцы – величайшие труженики, работяги. За немцами – ученость, философия, знание самых трудных языков, великолепные издания словарей, сборники, классификация, лабораторные исследования [7, с. 124]. В Нидерландах ужасаются супружеской неверности [7, с. 125]. Почти все германские народы сделали протестантами [7, с. 127]. Климат, почвы и реки (Маас, Рейн, Шельда) сближали и разъединяли германские

народы из-за конфликтов и войн с соседями (Испания, Франция). Они же преодолевали неблагоприятную среду и явили миру чудеса трудолюбия. Бывшие топи, низины, болота освоены на благо человека. Ушла в далеко историческое прошлое поговорка эпохи Цезаря и Страбона: «Всю Голландию можно пройти с дерева на дерево, вовсе и не касаясь земли» [7, с. 129]. Дельно мыслящие головы немецких народов оказались способны подчиниться заданной идее, терпеливо переносить и скуку и усталость [7, с. 130].

В заключительном разделе цикла лекций об искусстве («Об идеале...») находим мудрые мысли о цивилизации: «...цивилизация – это не внезапный результат осуществления отвлеченных принципов и теорий, а результат медленного и долгого накопления трудов лучших людей и лучших (цивилизованных) народов... Цивилизованность создается обществом, это его высшая функция». Чтобы быть способными к этому состоянию, общество должно сохранить свою свободу и добиться самоограничения государства... Лучшие продукты нации (цивилизации) – честь и совесть [7, с. 335–336].

3. *Очерк о Бальзаке* [6, с. 61–149]. Образец для подражания и вместе с тем проекция взглядов И. Тэна на человека и окружающий его мир. Впечатляет первая фраза: «Произведения ума имеет своим источником не один только, – весь человек способствует их возникновению: его характер, воспитание и жизнь, его прошлое, настоящее, его страсти и способности, его качество и пороки – все части его души и деятельности оставляют свою печать на том, что он думает и пишет» [6, с. 61].

И далее идет описание черт его характера и судьбы. Бальзак был делец и, кроме того, делец в долгах [6, с. 62]. По нервам, уму, наклонностям он был парижанином. В Париже главная цель – достигнуть! Деньги, слава, удовольствия. Он был похож, говорит Шанфлери, «на кабана в хорошем расположении духа» [6, с. 65, 71]. Он начинал не так, как начинают художники, а так, как работают ученые. Вместо того чтобы изображать, он анализировал. Он хотел создать классификацию нравов [6, с. 76–77]. Язык Бальзака – это лексикон искусств и ремесел, руководство немецкой философии, энциклопедия естественных наук. Его слог уникален и труден для перевода: «невывядающие убеждения» (convictions immarcessibles), «колящие боли рака» (les donleurs lancinantes d'un cancer) и др. [6, с. 93, 96]. Его слог – это

величие, богатство и неожиданность. Этот слог представляет собой гигантский хаос; в нем вы все находите: искусство, науки, ремесла, историю, все философские системы, религии; на каких-нибудь четырех строчках вы встречаетесь с четырьмя углами мысли и мира [6, с. 103]. Ум его умных людей создан по мерке ума Бальзака. Их ум – хаотическая и быстрая волна, в которой перемешаны правильность и поэзия, жаргон банка и классическая метафора, их ум – нечто в роде могучего и болезненного опьянения [6, с. 111]. Пропускаем маленький фрагмент о мирозерцании Бальзака [6, с. 136–148] и завершаем обзор ответом И. Тэна на вопрос «Кто Вы, господин Бальзак?»: «Бальзак, вместе с Шекспиром и герцогом Сен-Симоном – величайшее хранилище документов, относящихся к человеческой натуре» [6, с. 149].

4. *«Об уме и познании»* [8]. Трактат многоплановый и заслуживает специального рассмотрения. Обозначим контуры наиболее значимых исследовательских блоков.

Чистые идеи в психологии могут быть отобраны с помощью числительных имен и вообще – арифметики и алгебры. Появилась возможность найти вновь одну из великих идей, угаданных Кондильяком (1715–1780). Что же касается ощущений, то поучительные образы найдены в ощущениях зрения и слуха [8, с. X–XI].

Импульсы – элементарные явления, из которых слагаются чувствование и воля [8, с. XII, прим.].

Общая идея есть лишь имя, она имеет два свойства: а) способность быть инструментом восприятия и б) способность вызывать в нас образы. Знак – это идея настоящего или возможного опыта [8, с. 3].

Познавательны научно-экспериментальные наблюдения И. Тэна, изложенные в приложениях 1–4. Усвоение младенцем первых звуков и слов [8, с. 505–520]. Об элементах и образовании понятия «я» [8, с. 536–542]. Уникальные способности детей и подростков счета в уме. Игра в шахматы с закрытыми глазами [8, с. 37].

Многое из перечисленного стало базой для новаторских концепций в философии «Славного тридцатилетия» (1945–1975) в лекциях и публикациях Р. Барта, М. Фуко и др.

5. *«Наполеон»* [9]. В брошюре по максимуму задействован потенциал авторской матрицы и использованы рукописи (неизданные) современников Наполеона и его обширная переписка. С

пояснением Тэна: то, что сам Император предал бы гласности. «Выходец из корсиканской семьи с древними и прочными традициями и ценностями, которая не скрывала своих симпатий к Италии: и итальянцы смотрели на меня как на своего соотечественника» [7, с. 7]. На отказ *папы римского* короновать Наполеона заносчивый ответ: «Мы ставим во главе варваров итальянский род. Это будет наша месть галлам» [9, с. 7].

Призвание командовать, воевать: «Я военный, та особенность, которую я получил от рождения, это мое существование, моя вторая натура. Где бы я ни был, я всюду командовал... Я рожден для этого» (Слова Наполеона от 11 февраля 1809 г.) [9, с. 21, прим.].

Его мозг никогда не работал непродуманно; всегда для конкретной цели, задачи. Идеология для него – это химера, кошмар. Книжки – материал для постановки вопросов. Приоритет личному опыту. Никогда не читал Монтескье или А. Смита. Проблемы в образовании умело скрывал [9, с. 27, 28, 29 прим.].

Наполеон обладал изумительной памятью. Читал и помнил отчеты армии и флота до 20 объемистых тетрадей. Однажды он поручил Сегюру осмотреть орудия и посты Северного побережья Франции: «Ваш отчет правильный. Вы забыли только две пушки четвертого калибра в Остенде» [9, с. 3, прим.].

Удивительная способность видеть и общий силуэт, и мельчайшие детали. Соперник Цезаря [9, с. 38]. Владение доскональной информацией по трем сферам: 1) диспозиции войск и топографические карты; 2) отчеты и бюджет и 3) о каждой личности (очно и заочно) [9, с. 39–40].

Властолюбие: «Да, я люблю власть, но я люблю ее как художник... Я люблю ее, как музыкант свою скрипку; люблю ее, потому что могу извлечь из нее звуки, аккорды, гармонию...» [9, с. 43, прим.]. Власть Наполеон достигал, действуя на людей через чувства: страх, алчность, самолюбие, соревнования, чувственные внутренние пружины [7, с. 69].

Что же добила Франция, покорившись Наполеону и его замыслам? Потоки пролитой крови, сжатия своей территории (до 15 департаментов, границ 1789 г.). Таково политическое детище Наполеона, порождение гения на службе эгоизма [9, с. 106].

6. *И. Тэн О революции 1789 г.* Его многотомник (6 т.) – яблоко раздора в историографии Великой революции и для французских, и для советских историков. И лишь единицы призывали к

взвешенной оценке взглядов И. Тэна (П. А. Кропоткин¹, А. В. Адо², А. В. Гордон³). Не-историкам невозможно разобраться в сумятице позиций, мнений, оттенков, относительно мегахсобытия, открывшего «долгий» XIX в. (Э. Хобсбаум). Послушаем И. Тэна, а затем озвучим наше восприятие дискуссии.

Психология якобинства. Нелицеприятные высказывания о лидерах революционной партии (якобинстве). Марат. Гигантская диспропорция между его способностями и его амбициями. Соседство с безумием. Мания преследования. Без отдыха три года, только 2 часа на сон. Отсутствии идей, пустые речи и труды [12, с. 165–166]. Дантон. Ничего от безумства, здоровый дух, способность к политическим маневрам, наблюдать и видеть, без гордыни на предвидение. Никогда не писал и не издавал свои речи. Во главе государства вел бы себя как директор хосписа [12, с. 175–176]. Робеспьер. Идея фикс – грабежи и убийства. Светские манеры. Революционная схоластика на высоте. Ничтожество в финансах и управлении людьми. Огромное влияние на общественное мнение [12, с. 187–193].

Приход якобинцев к власти И. Тэн объясняет спонтанной (самопроизвольной) анархией, с безвластием, хаосом, разрушением порядка. Анархия накапливалась задолго до взятия Бастилии. Перечень причин и обстоятельств велик: неурожайные годы; отказы от уплаты налогов; бунты крестьян против дворян и духовенства с погромами замков и уничтожением документов на собственность (аграрная Жакерия). Уничтожение власти (любой, независимо от ее легитимности и эффективности) знаменует собой катастрофу, войну внутреннюю, без войны с внешними врагами [11, с. 13, 23–29, 68, 94, 101].

После двухсотлетия Революции 1789 г. (ее окончание, по распространенной версии, относится к 1815 г., Венскому конгрессу победителей Наполеона) «еретические» мысли И. Тэна больше не вызывают переполоха, однозначно негативного восприятия. Тезис об анархии как повивальной бабке Революции следует включать в непреложное. К заслуге И. Тэна относится и включение аграрных (крестьянских) движений (не только Вандеи) в историю Французской революции рубежа XVIII–XIX вв. Революции XX в. подтверждают одну закономерность: созревают в провинции и там же завершаются (с конвульсиями и бессмысленными жертвами). Политическая пристрастность И. Тэна и его осуждение террора якобинцев отныне не препятствуют достойной

оценке вклада И. Тэна в историографию Французской революции.

7. «Социализм как правительство» [10]. В статье (брошюре) И. Тэна слова «социализм» и «социалист» встречаются редко, не разделяя широкого определения понятия «социализм» в «Автобиографии» Джона Стюарта Милля: настоящий экономический строй неудовлетворителен и нуждается в изменениях к лучшему. И. Тэн ведет речь о «новых якобинцах», некоторые по исторической традиции 1789 г. хотят всепроникающего присутствия государства во всех сферах общественной и личной жизни. Ключевые тезисы брошюры нижеследующие.

Всемогущество государства – вот в чем суть якобинской теории. Подобная теория ретроградна; это попытка «вернуть нового человека к общественным формам, сквозь которые человечество уже прошло, оставив их позади себя тому назад восемнадцать веков» [10, с. 7]. Старые якобинцы брали за образец Спарту: «Спарта сверкает, как молния среди непроницаемой мглы» (из речи Робеспьера в Конвенте) [8, с. 8]. В первую пору цивилизации «определенная личность принадлежит обществу, как пчела улью, а муравей муравейнику» [10, с. 11]. Кредо И. Тэна: «Но никогда не подпишусь я заведомо, сознательно и искренне под полным отречением навсегда от собственной личности, то было бы противно моей совести и чести – этим двум моим принадлежностям, от которых я не могу и не должен отказываться» [8, с. 16]. Первое понятие (совесть) христианского происхождения, второе – феодального. В греческом и латинском языках нет соответственных этим двум понятиям слов. Технические термины древней морали – красота, добродетель, внешнее благо – имеют другое происхождение и носят на себе другой отпечаток [10, с. 17]. «Совесть и честь повсюду предписывают человеку удерживать за собой частицу независимости... Нынче вообще считают нужным ограничивать круг деятельности государства, но это всего необходимее при демократическом образе правления» [10, с. 29–30]. «Благо это – в полном обладании каждого собственной личностью, в праве по-своему мыслить, верить, молиться, по произволу соединяться с другими или действовать особняком – и так всегда и во всем беспрепятственно. Говоря короче, благо это в личной свободе» [10, с. 45]. С успехами цивилизации организм человека становится еще сложнее, оригинальнее и чувствительнее» [10, с. 46]. И снова инвективы в адрес якобинцев (Кутона,

Сен-Жюста, Робеспьера). Завершается брошюра восхвалением морали солдат Оливера Кромвеля (1599–1658): «...ни один из них не был замечен ни в грабительстве, ни в воровстве; ни одного из них никто никогда не видел просящим милостью...» [10, с. 74–75].

Короткое путешествие по наследию И. Тэна завершено.

Что можно отнести к его «твердому ядру»?

Сочинения И. Тэна доказательны по самому строгому счету, но и полемичны. Полемичность выводов И. Тэна предоставляет читателю и исследователю выбор: соглашаться или оспаривать? Но если оспаривать, то приводить убедительные контрдоводы. Тогда в конструктивном диалоге появятся новые идеи и начнется кристаллизация истины.

Исследовательская палитра И. Тэна многоцветна и диверсифицирована. Она позволяет без помех переходить от эмпирики к теории и наоборот. Многофакторный подход (матрица Тэна) открывает простор для междисциплинарных исследований и созревания интегративных знаний.

Многие страницы «Философии искусства» и «Об уме...» еще не прочитаны должным образом, не востребованы и не вовлечены в научный оборот. Ждет своего продолжения тема восприятия тела (телесности) в разные эпохи и у отдельных народов (цивилизаций). Много непознанного и по механизмам формирования социально-психологических представлений с участием генетических и органов чувств человека.

Многих важных сюжетов мы не коснулись. Стоит указать, что И. Тэн был, к примеру, одним из первых, кто изучал развитие речи у ребенка. Он наблюдал за развитием речи у своей дочери, сопоставил процесс овладения ребенком родным языком с историческим развитием языка, обнаружил значительное сходство между этими процессами [13].

Ипполит Тэн предложил знаменитую метафору «полипняк образов» [3]. Как пишет И. Е. Сироткина, комментируя взгляды И. Тэна, «дух есть полипняк образов», ... «образы, как отростки полипа, прорастают из другого, соединяются, сливаются вместе, иными словами, сознание – органическое и развивающееся единство («Об уме и познании», с. 65). Задача психологического познания, согласно Тэну, – определить, как образы «рождаются, каким образом и при каких условиях они сочетаются и каковы постоянные результаты подобных сочетаний. Для этого следует изучать факты, в особенности фак-

ты редкие, “исключительные”: сны, сомнамбулизм, гипноз, иллюзии и галлюцинации» [4, с. 479].

Ипполит Тэн фактически является инициатором направления в психологии, которое получило широкое распространение в франкофонной психологии и стало «визитной карточкой» французской психологии. Речь идет о важности клинических данных и их значения для построения общей психологии. «В своем проекте общей психологии важное место отводил психологии патологической, называя патологию «микроскопом или телескопом» в распоряжении психологии, привел богатый клинический материал об «аномалиях» психики (собранный другими, так как сам Тэн не был психиатром). Книга Тэна побудила врача из Бордо Е. Азама опубликовать свои наблюдения над пациенткой, в которой якобы сосуществовали две личности (Е. Azam, «Hypnotisme et double conscience», 1876), что, в свою очередь, вызвало волну интереса к исследованиям «множественных личностей» таких психологов и психиатров конца XIX в., как А. Бине, П. Жане, Ш. Рише и др. Проект исследования психологических аномалий Т. был близок идеям Т. Рибо, который провозгласил душевную болезнь «естественным экспериментом» в психологии. Тэна и Рибо считают основоположниками французской эмпирической психологии» [4, с. 479].

Совершенно очевидно, что работы И. Тэна забвения не заслуживают, они имеют потенциал, который вполне может быть использован психологией XXI в.

Библиографический список

1. Лялина, Я. И. Психологическое наследие Ипполита Адольфа Тэна [Текст] / Я. И. Лялина // Психология в России и за рубежом : материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб. : Реноме, 2013. – С. 7–13.
2. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы исследований в истории психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский Педагогический вестник. – 2015. – № 1. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 91–97.
3. Мазиллов, В. А. Теория и метод в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль : МАПН.
4. Сироткина, И. Е. Тэн [Текст] / И. Е. Сироткина // История психологии в лицах. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь : в шести томах / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского. – М. : ПЕР СЭ, 2005. – С. 478–479.
5. Тэн, И. Французская философия первой половины XIX века [Текст] / И. Тэн ; перев. с 6-го фр. изд. /

под ред. Е. Васильковского. – СПб., 1896. – 220 с.

6. Тэн, И. Критические опыты [Текст] / И. Тэн ; пер. под ред. В. Чуйко. – СПб., 1869. – 458 с.
7. Тэн, И. Философия искусства [Текст] / ред. А. И. Микиши ; вст. ст. П. С. Гуревича. – М., 1996. – 452 с.
8. Тэн, И. Об уме и познании [Текст] / втор. изд. ; И. Тэн ; ред. Н. Н. Страхов. – СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1894. – 512 с.
9. Тэн, И. Наполеон [Текст] / И. Тэн. – СПб. : Мусагет, 1912. – 107 с.
10. Тэн, И. Социализм и правительство [Текст] / И. Тэн ; пер. с англ. С. Никитенко – СПб. : Изд. А. Е. Рябченко, 1884. – 78 с.
11. Taine, H. la Revolution, t. II. Anarchie. – Paris; Hachette, 1885. – 467 p.
12. Taine, H. la Revolution, t. III. Le gouvernement revolutionnaire. [Текст]. – Paris; Hachette, 1885. – P. 159–220.
13. Taine H. (1876). Note sur l'acquisition du langage chez les enfants et dans l'espece humaine // Revue Philosophique de la France et de l'étranger, 1876, V. I. P. 5–23.

Библиографический список

1. Ljalina, Ja. I. Psihologicheskoe nasledie Ippolita Adol'fa Tjena [Tekst] / Ja. I. Ljalina // Psihologija v Rossii i za rubezhom : materialy II mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, nojabr' 2013 g.). – SPb. : Renome, 2013. – S. 7–13.
2. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy issledovanij v istorii psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij Pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 1. – Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – S. 91–97.
3. Mazilov, V. A. Teorija i metod v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN.
4. Sirotkina, I. E. Tjen [Tekst] / I. E. Sirotkina // Istorija psihologii v licah. Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' : v shesti tomah / red.-sost. L. A. Karpenko ; pod obshh. red. A. V. Petrovskogo. – M. : PER SJe, 2005. – S. 478–479.
5. Tjen, I. Francuzskaja filosofija pervoj poloviny XIX veka [Tekst] / I. Tjen ; perev. s 6-go fr. izd. / pod red. E. Vas'kovskogo. – SPb., 1896. – 220 s.
6. Tjen, I. Kriticheskie opyty [Tekst] / I. Tjen ; per. pod red. V. Chujko. – SPb., 1869. – 458 s.
7. Tjen, I. Filosofija iskusstva [Tekst] / red. A. I. Mikishi ; vst. st. P. S. Gurevicha. – M., 1996. – 452 s.
8. Tjen, I. Ob ume i poznanii [Tekst] / vtor. izd. ; I. Tjen ; red. N. N. Strahov. – SPb. : Izd. L. F. Panteleeva, 1894. – 512 s.
9. Tjen, I. Napoleon [Tekst] / I. Tjen. – SPb. : Musinget, 1912. – 107 s.
10. Tjen, I. Socializm i pravitel'stvo [Tekst] / I. Tjen ; per. s angl. S. Nikitenko – SPb. : Izd. A. E. Rjabchenko, 1884. – 78 s.
11. Taine, H. la Revolution, t. II. Anarchie. – Paris; Hachette, 1885. – 467 p.

12. Taine, H. la Revolution, t. III. Le gouvernement revolutionnaire. [Tekst]. – Paris; Hachette, 1885. – P. 159–220.

13. Taine H. (1876). Note sur l'acquisition du langage chez les enfants et dans l'espèce humaine // Revue Philosophique de la France et de l'étranger, 1876, V. I. P. 5–23.

¹ П. А. Кропоткин, сам историк Французской революции не жалуется И. Тэна за его враждебность к якобинскому периоду (1789–1793). Но и лидер анархизма признает, что революция была совершена не в Париже. В каждой деревне был свой Робеспьер! См.: Кропоткин, П. А. Великая Французская революция: 1789–1793. – М.: Наука, 1979. – С. 457.

² А. В. Адо, один из немногих советских знатоков аграрной истории Франции, признает тот факт, что И. Тэн дал содержательный обзор крестьянских восстаний 1789–1793 гг. по документам Национального архива. Его вывод

расходился с клише советских коллег о Париже как центре революционных потрясений: и Французская революция была последней «жакерией» в истории Франции; она завершила долгую историю крестьянских движений и восстаний предшествующих веков». См.: Адо, А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. – М.: МГУ, 1971. – С. 6, 9/454.

³ А. В. Гордон в своем историографическом обзоре неоднократно ссылается на И. Тэна и выделяет А. В. Адо в реабилитацию (эзоповским языком) французского историка: «Адо откровенно (и даже для 70-х гг. мужественно) подчеркивал вклад Ипполита Тэна и в саму постановку вопроса, и в раскрытие динамики крестьянских действий («семь жакерий»). См.: Гордон А. В., Великая Французская революция в советской историографии. – М.: Наука, 2009. – С. 330, 330 прим./380.